

Философия тоски и жажда воли

М. Горький. Очерки и рассказы. Том первый. СПб., 1898 г.

Максим Горький: *pro et contra* / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. -- СПб.: РХГИ, 1997. -- (Русский путь).

OCR Бычков М. Н.

Имя г. Горького стало попадаться в печати сравнительно недавно и в какие-нибудь два-три года приобрело значительную популярность. Лучшие наши журналы охотно помещали рассказы молодого плодовитого автора, и критика относилась к каждому его новому произведению с тем нервным вниманием, которое для начинающего писателя лучше всяких похвал. По всему видно было, что на г. Горького возлагаются большие надежды, и вот почему я с любопытством ждал появления в свет сборника его повестей. Для молодого беллетриста, в особенности если он пишет небольшие по объему рассказы, издание такого сборника является шагом чрезвычайно важным, а иногда и роковым. Я живо помню пример писателя, о котором, пока его рассказы печатались отдельно, говорилось не иначе, как о втором Тургеневе, и который, едва только эти рассказы были собраны в два объемистых тома, вдруг отошел на второй план, где он обретаётся и до сих пор. Капли воды, казавшиеся в отдельности прозрачными, обнаружили свой мутноватый цвет, когда их собрали вместе. К счастью, на г. Горьком этот печальный случай не повторился, и, прочитав первый том его "Очерков и рассказов", можно с уверенностью сказать, что в нашей литературе в самом деле родился свежий, незаурядный и, главное, своеобразный талант, порою даже слишком своеобразный, не лишенный странностей и недостатков, но в деле искусства свои недостатки всегда предпочтительнее чужих достоинств. А г. Горький берет свои вдохновения не из чужих книг или журнальных статей, а из действительности, какой она ему представляется, и из собственной души. У него свой круг излюбленных тем -- жизнь мелких мещан, матросов, босяков, нищих, -- своя излюбленная природа -- южно-русские степи и море, -- своя философия -- предпочтение вольных, сильных инстинктов жизни перед надуманной мудростью и святостью. Вообще, момент силы преобладает над всеми другими в темпераменте и в мирозерцании г. Горького. В описаниях он выбирает самые яркие, кричащие краски, отношения действующих лиц напрягает до степени яростных столкновений на жизнь и на смерть, и в этих коллизиях симпатии автора всегда на стороне сильнейшего. Каждый рассказ г. Горького содержит в себе целый мир бытовых подробностей и сложную внутреннюю драму, в каждой снова и снова решается вопрос о цели жизни, и как бы вы ни относились к манере автора и к его идеям, вы невольно поддаетесь изобразительной силе его таланта и страстной искренности. Непосредственное впечатление, которое выносишь из чтения Горького, очень сильно и безусловно в пользу автора, и если бы я мог ограничиться этим впечатлением, мой критический отзыв превратился бы в сплошную похвалу. Но помимо поверхностного впечатления от книги есть еще последующее о ней раздумье, есть законы и традиции искусства, есть указания опыта, и вот почему, несмотря на симпатию, которую мне внушает творчество г. Горького, я должен сделать несколько ограничительных замечаний о его таланте, по крайней мере, насколько этот талант выразился в первом томе его рассказов.

По свежести и уверенности письма, по независимости тона и по легкости вдохновения г. Горький среди молодых писателей всего более напоминает г. Антона Чехова; но если продолжать параллель между ними, то все выгоды от такого сравнения окажутся на стороне г. Чехова. И прежде всего это окажется при сравнении художественных темпераментов обоих писателей.

В русской литературе, невзирая на различие манер и тенденций, существует один незыблемый завет, для всех обязательный и всеми принятый, -- завет избегать сентиментальности и мелодраматизма. Едва ли можно утверждать, что русской натуре вообще чужда сентиментальность, потому что была пора, когда и у нас процветали слезливые повести и драмы, но со времен Пушкина эту художественную фальшь как рукой сняло. Каждый стих Пушкина вдохновлен чувством, но у него нет ни одного стиха, испорченного чувствительностью. Пушкин смотрел на жизнь как на великую комедию, и по его следам пошли другие наши писатели. Лермонтов победил свой страстный темперамент демоническим холодом мысли, Гоголь одолел врожденную хохлацкую чувствительность силой своего вешего смеха, Тургенев защищал от чувствительности его скептицизм и барская артистичность, Достоевский, более всего склонный драматизировать жизнь, не унился до слезливости благодаря почти дикой, священной радости, с какою он изображал бездны страданий и падения, ю таким писателям, как Толстой,